

ПЕРЕД

Культура. — 1995. — 25 марта. — С. 1

ИНАУГУРАЦИЕЙ

Все великие дела, во всяком случае имеющие отношение к Большому театру, совершаются теперь по пятницам, что крайне неудобно для нашей газеты. В прошлом номере мы не смогли сообщить о пятничном Указе Президента, упразднившем должность генерального директора ГАБТа. В этом не успеваем рассказать, как проходили вчера в Большом представительстве двух новоиспеченных директоров — представлять должен был вице-премьер РФ Ю. Яров — и последовавшая затем пресс-конференция.

Зато накануне мы встретились с художественным руководителем — директором ГАБТа Владимиром ВАСИЛЬЕВЫМ — его назначение, как известно, было подписано премьер-министром еще в минувшую субботу — и задали ему несколько вопросов.

О бывшем ген. директоре Большого В. Коконине, назначении которого на пост директора исполнительного к моменту нашей встречи еще объявлено не было.

— Коконин — опытный, хорошо знающий театр человек. Искать другого, ждать, пока он войдет в курс дела, — это слишком долго, а время и так упущено. Хотя я и не ставил такого условия, но, если бы Коконина не утвердили, скорее всего подал бы в отставку еще до своего вступления в должность. Мнение о нем сложилось нелучезарное — позаботились люди в театре, приближенные к властям. Я убеждал в целесообразности этого назначения и премьер-министра, и министра культуры. И даже с Е. Сидоровым в конце концов пришел к соглашению. Он, как мне показалось, искренне верил в то, что весь коллектив против Коконины. Но я слишком хорошо знаю, как это делается: несколько человек объединяются перед лицом грозящей опасности и начинают кампанию, остальные же молчат, выжидая, а в итоге получается, что тысячный коллектив против. Трезвомыслящие люди понимают, что дело обстоит именно так. Единственный упрек, который можно предъявить Коконину, — то, что он не заговорил о реформах раньше.

Жаль, что ситуация очень затянулась. Я знал, что прихожу в театр до начала сезона, и тем не менее этот сезон все-таки оказался потерян.

О первоочередных задачах.
— Нужно добиться единения всех подразделений, всех творческих коллективов ГАБТа. Отдельный успех давно перестал быть общим. В театре царят ненависть, злоба, зависть. Только двумя способами можно покончить с этим — дать интересную работу и хорошую зарплату.

О том, как эту сказку сделать былью.

— Сделает конкретная система. Без нее ничего не наладится. Сознание бессрочности пребывания на своем, пусть маленьком, месте губительно. (Мы с Владимиром Михайловичем Кокониным, кстати, тоже собираемся просить о том, чтобы наше назначение имело конкретный срок). Я против создания комиссий, проведения конкурсов, экзаменов. Для актера экзамен — спектакль. Весь следующий сезон будет конкурсным. Постараемся дать возможность каждому проявить свои способности. И вот они-то и послужат основанием для заключения контракта.

Для обеспечения контрактной системы, для плодотворного функционирования театраль-

ного организма необходимы колоссальные финансовые средства. Очевидно, что, хотя этот театр и государственный, государство его в полной мере финансировать не может. Что ж, будем искать и находить дополнительные средства сами. Постараюсь использовать все свои связи, все свое влияние, а главное — надеюсь на магию имени Большого. Этот театр — не только наше национальное, но и интернациональное достояние. Уверен, что и у нас, и за рубежом найдутся люди, которые захотят помочь Большому. Могли бы быть учреждены два фонда — например, Российский фонд друзей Большого театра и международный.

И наконец самое важное — творческая программа. У меня есть несколько проектов, которые как раз объединят в работе все коллективы театра. Я считаю, что нужно регулярно проводить бенефисы наших выдающихся мастеров, а также ежегодные бенефисы оркестра, хора, кордебалета. Каждый человек в театре должен знать, что он, его труд уважат. И непременно условие — приглашение талантливых, интересных, творчески состоятельных режиссеров, балетмейстеров, дирижеров, художников.

Бежар, Килиан, Роббинс, Дзеффирелли — эти имена должны быть в афише Большого театра! И почему бы не пригласить поставить оперу Никиту Михалкова, Андрея Кончаловского, Марка Захарова, Сергея Соловьева, а балет — Бориса Эйфмана или Аллу Сигалову? С некоторыми нашими режиссерами я даже уже разговаривал на этот предмет. Обязательное, что все будет в Большом: не надо забывать о том, что Большой театр — не только сцена, но еще и люди, артисты Большого.

О личных творческих планах.

— Не намерен «засорять» репертуар своими спектаклями — это напрасное опасение. Сейчас я хочу прежде всего разделить радость творчества друг с другом, хочу как бы раствориться в других. А там... там будет видно. В конце концов, почему бы и мне не поставить когда-нибудь спектакль в Большом?

О людях Большого, которые не приветствуют его приход.

— Я не придерживаюсь точки зрения, что, когда тебя бьют по одной щеке, надо подставить другую. Столько выплеснулось злобы, столько грязи... Столько иные люди говорили о своей ненависти ко мне, о своем нежелании со мной работать, что, на мой взгляд, их честь и достоинство и не должны им позволить со мной работать.

О теперь уже бывших главных специалистах.

— Очень жалею, что ушел Валерий Левенталь. Он — единственный из всех главных работал, не покладая рук. И очень надеюсь, что он все-таки сойдет возможным еще поработать в этом театре. Я разговаривал с Александром Лазаревым. Мне кажется, он понял ход моих мыслей. Во всяком случае пообещал подумать о возможном сотрудничестве. Я намерен позвонить Юрию Григоровичу. Если у него есть интересные идеи, творческие предложения — пожалуйста, ему будут предоставлены лучшие силы театра. Но — опять-таки! — не идеи вообще и на неопределенное будущее, а нечто вполне конкретное и с указанием сроков.

Я ведь выступаю не против этих мастеров, но против самого института главных. Мне первоначально тоже было предложено прийти в Большой главным балетмейстером. Я сразу сказал «нет». И вот еще ирония судьбы. Много-много лет назад спорили мы о чем-то с Григоровичем у него в кабинете, и он раздраженно сказал: «Ну что ты все критикуешь, пройдет какое-то время, и сам сядешь за этот стол». А я ответил: «Нет. У меня слишком хороший пример перед глазами». Когда-то в нашу лучшую, действительно замечательную пору Юрий Николаевич казался мне самым главным балетмейстером на свете. Но шло время, я стал открывать для себя других хореографов, а в творчестве Юрия Николаевича все чаще обнаруживались повторы... Впрочем, от повторов никто не застрахован. А вот от главенствования во что бы то ни стало, от того, что все и вся зависят от воли одного человека, застраховать театр необходимо. Артистический директор — это нечто совершенно иное, это не «главнокомандующий». Хотя, естественно, обидеться можно и на артистического директора.

О возможных эксцессах во время «инаугурации» (напоминаем: мы еще не знали, как она прошла).

— Я оптимист. Даже сознавая всю сложность поставленной передо мной задачи, тем не менее пребываю в состоянии некой эйфории. Потому что жажду перемены к лучшему и чувствую свою ответственность за них. Я очень надеюсь и верю, что обойдется без эксцессов. В конце концов приглашены журналисты, ТВ будет снимать — думаю, здравый смысл возобладает. Но, разумеется, я очень волнуюсь. Мне вновь предстоит дебют.

Н. ШАДРИНА.